

Он⁶ должен был возбудить подозрения⁶; он говорил, что грех заключается не в факте, а в намерении, и из этого выводил самые смелые последствия. К этому присоединялась его частная жизнь. Известна его любовь к Элоизе и его переписка с нею. Она в этой переписке даже выше и красноречивее его, но он был виновником ее развития. Главою его противников был св. Бернар. Как Абелар в мысли искал опоры всему, так св. Бернар искал другой опоры и подчинял мысль чувству. Он также происходил из рыцарской фамилии, но удалился в монастырь. Но не находил дов[ольно] строгим монастырь и уговорил [свое] семейство следовать за собой. Летописцы говорят, что мужья не пускали жен, родители — детей на эту проповедь, боясь их лишиться, — так говорил св. Бернар. И его испугала свобода мысли Абелара. Бернар был человек, который ничего не пугался, но, когда приходило время собора, где он должен был спорить с Абеларом, он писал к папе: силы мне изменяют; мне ли бороться с этим человеком? Однако Абелар проиграл и был не в состоянии бороться со строгою дисциплиною, которую выставил против него папа. Абелар должен был {формально} отказаться от некоторых мыслей, но ему дозволено было провести остаток жизни у одного почтенного священника Петра. Наука была прежде уделом особого класса людей. Абелар вывел ее на площадь. И это обстоятельство испугало и Бернара, и других. Абелар сильно действовал на женщин⁷. Его учение распространялось по Европе.

Таково было выступление схоластики. Она явилась совсем не тою, покорною, подчиненною папе наукой, какой она сделалась в 14 столетии; но Абелара, хотя не совсем справедливо, можно назвать явлением исключительным; он стоял против {господствующего} направления века, как видно из последоват[ельной] схоластики, св. Фомы и других, которые все искали в мысли. Одну услугу оказала схоластика. Она дала западному уму смелость и гибкость. Такое наследие получила западная мысль от схоластики⁵.

Теперь скажем о римском праве: его изучали не только те, кои посвящали себя судебной деятельности, оно вошло разрушительным образом в жизнь средних веков; юристы поставили идеал римского права в противоположность с идеалом феодального права. Мы видели в [14] столетии людей, кои судят тамплиеров и т. д. и доби[ают] средние века. Это римские юристы. Когда умирал король, его преемник обыкновенно выдал его советников на жертву народной ненависти; их обвиняли, их казнили. Новый король набирал новых советников, кои ждали той же участи.

Мы иногда улыбаемся простоте этой науки, но нельзя не удивляться этим великим людям, коим приобретение науки стоило труднее, чем нам, и кои так резко отличались живым интересом.

ГБЛ, ф. 178, 3598, XXI

⁶⁻⁶ В I: но учение его должно было обратить на себя подозрительное внимание. Многое не согласовывалось с господствующими понятиями (л. 251 об.).

⁷ Там же: он был поэт, его cantelere ходили по всей Франции (л. 252).